

Родион Феденев

Таинственный Карл

Интернет вовсе на похож на сеть паутины. Скорее это изумрудный квадратно очерченный бассейн, в который так и тянет нырнуть да и остаться навсегда в этом запредельном восхитительном мире. Во всяком случае, не думала, не гадала одесситка Людмила, к чему приведет ее свободный полет в интернетовских полях, когда составляла для Интернета страничку о южнорусских художниках двадцатого века. И вдруг спустя какое-то время ей пришло письмо. Из Англии. Из славного города Кардифа. Написавший письмо на каком-то странном английском интересовался художественными салонами В. Издебского в Одессе. Подписался он совсем не английским именем Карл. И письмо его страдало стилистическими огрехами против нормального английского.

Собственно, даже не каждый специалист может рассказать об этих салонах подробности. Издебский был скульптором и неплохим организатором. Свой Первый салон он открыл в Одессе, а затем показал его в Киеве, Петербурге и Риге. В нем приняло участие много художников с известными именами. Поэтому Людмила и запросила Таинственного Карла: что именно его интересует? (Было сомнение, что этот Карл вовсе не из Кардифа, а с какой-нибудь Малой Арнаутской.) Но Карл ответил, что его интересует не Первый, а Второй салон Издебского, который тот организовал в 1910-11 годах, и участие в нем всемирно известного живописца, долго жившего в Одессе, Василия Кандинского.

Ну что же, Людмила удовлетворила любознательность англичанина, а заодно и спросила: чем вызвано такое любопытство ее странного корреспондента? Карл после некоторой заминки ответил.

Оказалось, что он художник, работает в технике шелкографии, преподает. Но однажды он намаялся на кардифском «староконном» рынке в поисках подходящих рам для своих работ. Пришлось купить какие-то картинки в рамках, которые Карлу подходили. Но эти картинки в рамках долго валялись у него на чердаке, пока он не пустил их в дело. И вот тут-то он обнаружил, что в одной из рам есть плакат, напечатанный литографским способом, – плакат Второго салона Издебского!

И сердце Людмилы взволновалось: ведь известно, что эти плакаты выпускались по гравюре Кандинского! Она обратилась к знатоку живописи одесситу Виталию Абрамову, который является авторитетом по Кандинскому и в Европе, и за океаном. Он сразу сказал, что пока известно всего два таких плаката во Франции и в Германии... И если этот неведомый Карл случайно обнаружил третий – это событие! Его находка стоит больших денег.

Но нужна экспертиза. А для начала хотя бы цветная копия плаката Кандинского. Карл к тому времени уже в технике шелкографии воспроизводил некоторые понравившиеся ему работы Кандинского. По Интернету он выслал в Одессу цветную копию своей находки. Карлу из Кардифа это просто. Сложнее было Людмиле с Нежинской. Пришлось экономить и добывать деньги на цветной принтер. Но чего не сделает увлеченная чем-то женщина! Цветная копия была воспроизведена, знаток В. Абрамов изучил ее и установил, что процентов на девяносто это Кандинский, это Открытие с большой буквы. Но еще выходило, что если Карл не дурак, то он сделает на этом плакате хорошие деньги, если обратится со своим оригиналом на аукцион «Сотби». Там за плакат одесского Второго салона Издебского, гравюру которого делал великий Кандинский, фунтов не пожалеют...

Гений жил на Дерибасовской

Василий Кандинский родился в Москве. Но его отец был управляющим в фирме Абрикосовых, которая имела свои объекты в Одессе. По семейным преданиям, прабабушка Кандинского была монгольской княжной, что, как отмечают биографы, ска-

залось на темпераменте художника. В Одессе он жил по разным адресам, своего дома у Кандинских здесь не было. Любопытен адрес: Дерibasовская, 17, где не так давно был магазин «Лакомка», а до революции это дом Санца, магазин сладостей, управляющим которого был отец будущего художника. Но Василий, несмотря на то, что прилежно занимался искусством, изучал его, даже и не помышлял стать художником. Напротив, он окончил юридический факультет Московского университета, карьера правоведа была открыта перед ним, но... как это часто бывает: но вдруг... Тридцатилетний Василий отказался от должности в университете Дерпта и объявил, что хочет стать художником. Это решение окончательно оформилось после его посещения выставки импрессионистов в Москве и после того как он услышал оперу Вагнера «Лоэнгрин». Иные, необозримые заманчивые миры открылись перед ним! От лишних вопросов он уехал в Мюнхен, где поступил в школу рисования.

Но к тому времени он был человеком семейным, женатым. Анна Чимякина, его жена, была его кузиной и родственницей купцов Абрикосовых. С ней он жил в Одессе, ездил в Париж, где «глотал» современное искусство. Разумеется, его решение стать художником вызвало у родственников Ани шок. Какое благополучие сулила «вся эта богема»? Василий надеялся, что Анна его поймет, звал ее в Мюнхен, но они все больше отдалялись друг от друга. В мюнхенской школе рисования Антона Ашбе «начинающий» изучал линию и форму после нескольких попыток поступить в академию, приезжал в Одессу к своей Анне и участвовал в выставках южнорусских художников, и критики ругали его за наивную мазню. Анна рассчитывала, что он образумится, но он продолжал упорно заниматься рисованием, путешествовал, но не с ней, Анной, а со своей пассией, художницей Габриэлой Мунтер. Год жил с ней в Париже, ездил в Тунис, Италию... Но на какие средства? Недаром Кандинский на портретах выглядит осмотрительным благополучным интеллигентом – он к тому же был домовладельцем и жил на доходы от этого. Габриэла не только была близка ему, но она и любила его, верила в его судьбу. Рядом с ней осуществилось становление его таланта. Рядом с ней он понял, что цели и средства жизни и искусства совершенно различны.

Памятный знак на доме по ул. Дерибасовской, 17, где жил Василий Кандинский

Для него «оживла» каждая точка в покое или движении (линия), как он писал позже, и «явила мне свою душу». Этого было достаточно, чтобы понять всем существом, всеми чувствами возможность и наличность искусства, называемого ныне, в отличие от предметного, абстрактным, беспредметным. Новые бесконечные миры открылись ему. Но...

Но грянула война четырнадцатого года. Он вернулся в Россию. Габриэла писала ему из Германии о своей любви, о невозможности жить без него, умоляла его встретиться в нейтральной Швеции, где они могли бы пожениться... Он отвечал, что беден, что ничего, кроме долгов, у него нет. Тут он кривил душой. Потому что кроме долгов у него появи-

лось желание постоянно видаться с милой, весьма внимательной к нему девушкой Ниной Андреевской. Ее отец, военный, погиб еще под Порт-Артуром. Она знала нужду, она много понимала в этой нелегкой жизни, в которую он вошел так стремительно, что они поженились в феврале 1917 года, не обращая внимания на то, что в Питере как раз вершилась революция. Он продал свой дом за 400 тысяч. Мать юной невесты была против этого брака – разница в возрасте! Свадьба и венчание были скромными: как всегда в России в такие времена, исчезли продукты и товары. Но он ухитрился купить невесте белое платье, а колье и браслеты в подарок сделал сам.

С тех пор она была рядом с ним. Разделяла его удачи и поиски, обыденность существования и всемирную славу. Она похорони-

ла его после болезни в Париже в 1944 году, на кладбище Нейи. Она всемерно способствовала посмертной славе своего гениального мужа. Увы, ее кончина была ужасной. Тело ее нашли в их парижском доме на полу. Она была задушена шарфом. Все в ее доме было на своих местах. Картины на стенах. Сейф не взломан. Но каковы были мотивы этого преступления? Версии выдвигались самые разные: от завистливой и злобной руки Москвы до мысли о том, что грабителей кто-то спугнул. Были и такие, что предполагали: в смерти жены художника замешаны круги коллекционеров, рассчитывающие, что после такой «рекламы» цены на картины Кандинского подскочат. Собственно, так и произошло. А в наше время стоимость картин гения, который в свое время жил на Дерибасовской, стала баснословной.

Кидалы из «Сотби»?

Нет, «Сотби» – аукцион из самых уважаемых, авторитетнейших в мире. Какие уж тут кидалы... Но вернемся к нашему учителю рисования из Кардифа Карлу. Плакат, счастливым обладателем которого он стал, ценен не только тем, что автором его был Кандинский. Он ценим знатоками как свидетель невероятного времени в истории живописи.

Плакат оповещает о Втором салоне Издебского. Таких салонов зафиксировано в истории два. О первом я упоминал. Второй тоже открылся в Одессе, в феврале 1911 года. Среди участников

салона были такие теперь широко известные имена, как Матисс, Глез, Руссо. Авангард не понравился одесским обывателям, и они в знак протеста замазывали работы таких восхитительных художников, как Ларионов, Гончарова, Татлин, чернильными анилиновыми карандашами... В эти годы Кандинский наконец развелся со своей первой женой Анной, но так и не женился на Габриэле Мюнттер.

Одесский искусствовед В. Абрамов и увлеченная всем происходящим Людмила отыскивали каталоги аукциона «Сотби», где подобный найденному в Кардифе плакат оценивался в сумму от 75 до 100 тысяч американских долларов. Разумеется, они сообщили в Кардиф об этом, и Карл надолго исчез в голубых пространствах Интернета, то есть ничего не писал в ответ.

Наконец, он, как всякий обыкновенный и неучливый европеец, вдруг прислал письмо, в котором выражал удивление, что давненько ничего не получал из Одессы, и сообщал, что люди из «Сотби» предложили ему за плакат Кандинского всего три тысячи долларов, а раз так, то он не хочет иметь с ними ничего общего, то есть пусть плакат пока просто полежит у него дома. Чем кончится эта история, покажет время. Но тут стоит заметить, что не только люди, личности обладают эхом, скажем, в своих учениках иди последователях, но и у созданного ими, созданного со знанием дела, звучит эхо восприятия в поколениях, эхо случайных находок и открытий, и даже денежное эхо. А для всего этого необходимы такие обычные и простые вещи, как достойная жизнь, талант, непрестанное биение мысли, самоотдача и целеустремленность. Правда, еще необходимы сказочные стечения обстоятельств, благосклонность небес и ангел-хранитель, который был всегда рядом с художником, жившим в Южной Пальмире.

Фото Олега Владимирского

